

Джоанн
Каррис

Читайте в авторской серии Джоанн Харрис

БЛАЖЕННЫЕ
ШОКОЛАД
ЕЖЕВИЧНОЕ ВИНО
НЕБЕСНАЯ ПОДРУГА
МАЛЬЧИК С ГОЛУБЫМИ ГЛАЗАМИ
ТЕМНЫЙ АНГЕЛ

Джоанн

НЕБЕСНАЯ
ПОДРУГА

Аррис



ЭКСМО

Москва
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
Х 21

Joanne Harris
THE EVIL SEED

Copyright © Frogspawn Ltd 1992, 2008

Перевод с английского *Е. Дрибинской*

Оформление серии *А. Саукова, Ф. Барбьшева*

Харрис Дж.
Х 21 Небесная подруга / Джоанн Харрис ; [пер. с англ. Е. Я. Дрибинской]. — М. : Эксмо, 2013. — 352 с. — (Пленительный роман. Проза Джоанн Харрис).

ISBN 978-5-699-65223-5

В тот день, когда Элис случайно забрела на старое кладбище и увидела могильный камень с именем Розмари Вирджинии Эшли, она ощутила лишь смутную тревогу. Когда же у нее в доме поселилась юная красавица Джинни, Элис поняла: в ее судьбу вторглось нечто крайне загадочное и чрезвычайно опасное. Среди вещей постоялицы она обнаружила старый дневник человека, который однажды попал под чары некой Розмари; эта роковая связь превратила его жизнь в ад и в конце концов погубила его. И вот теперь, похоже, история сорокалетней давности готова повториться...

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Дрибинская Е., перевод на русский язык, 2012
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-65223-5

БЛАГОДАРНОСТИ

Всем, кто помогал воскресить эту книгу из мертвых. Редактору Франциске Ливерсидж, Холли Макдональд — автору художественного оформления. Моему героическому агенту Питеру Робинсону. Люси Джордан и Люси Пинни, Дженнифер и Пенни Лютлен. И как обычно, всем энтузиастам, сотрудникам издательств книготорговых фирм, неустанно работающим для того, чтобы мои книги стояли на полках. Я также благодарна множеству читателей, которые настаивали на новой публикации этого романа. Без вас ее бы не было.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Копаться в прошлом опасно. Там можно найти немало хорошего, но в детстве мое воображение привлекали именно опасности: проклятие фараоновой гробницы, предметы, украденные из развалин храма майя, несмотря на предостережения древних, и несущие в себе катастрофу для мира, или затерянный город, хранимый призраками мертвых. Возможно, как раз поэтому книга, написанная так давно, что я считала ее надежно погребенной под спудом, преследовала меня и требовала выхода в свет, а заинтересованные читатели просили о переиздании.

Небольшой экскурс в историю. Прежде всего позвольте уточнить, что у меня не было намерения хоронить свою книгу. Само время сделало это. Я начала писать ее в двадцать три года и, сажая семя, совершенно не представляла, что из него вырастет.

Окончив обучение в Кембридже, я работала учителем-практикантом и жила со своим бойфрендом (впоследствии мужем) в шахтерском городке близ Барнсли. У нас было семь кошек, но ни централь-

ного отопления, ни мебели — только кровать, ударная установка и несколько книжных полок. Мой компьютер имел всего пятьсот байт оперативной памяти и весьма капризный нрав. Соседи называли нас «хиппи», потому что я расписала стены психоделическими фресками с помощью акриловых и масляных красок. Я сама сшила лоскутные занавески и отремонтировала ванную. Кабинетом мне служила спальня наверху — что-то вроде гнезда, откуда открывался вид на весь поселок: дома, мостовые, дворы, поля в отдалении. Казалось, там всегда туманно. Я ездила на древней «воксхолл вива» по прозвищу Кристина (в честь героини Стивена Кинга). Ежедневно машина ломалась.

Оглядываясь назад, я совершенно не понимаю, как отважилась взяться за перо. В кабинете стоял жуткий холод, от маленького газового нагревателя было больше вони, чем тепла, и работать приходилось в перчатках — цветных, без пальцев. Может быть, я считала, что это романтично. Мой предыдущий роман «Ведьмин свет» отвергло множество издательств. Наверное, самая упорная, настойчивая (и самая сильная) часть меня приняла это как вызов. Так или иначе, я начала писать «Небесную подругу» — «эту ужасную книгу», как говорила моя мать, — и идея развивалась, пока не воплотилась в жизнь и не привлекла внимание литературного агентства, в конце концов заключившего со мной контракт.

Разумеется, я понятия не имела, во что ввязываюсь. Я не была знакома с миром литературы, не имела ни связей, ни друзей в книжном бизнесе. Я никогда не изучала искусство письма, даже не вхо-

дила в литературные кружки. Я не строила никаких долговременных планов, не думала о коммерческом успехе. Это была просто игра — могу ли я? Все писатели играют в нее, следуя за путеводной красной нитью по извилистым тропинкам сквозь лес, чтобы увидеть, куда она приведет.

Меня она привела в Кембридж. Я знала этот город, и он представлялся идеальным фоном для истории о призраках, которую я хотела написать. Идея возникла еще в студенческие времена. Однажды в Гранчестере я заглянула на кладбище и увидела необычное надгробие с надписью: «То, что во мне, помнит и никогда не забудет». С этой фразы и этого странного надгробия, похожего на дверь, началась моя история.

Замысел был грандиозным, стиль — экспериментальным. Мне не хватало опыта, чтобы обрести свой собственный голос, и я решила вести рассказ «на два голоса»: от лица Дэниела Холмса, человека средних лет, и более традиционно — от третьего лица. Все главы я пометила: «Один» и «Два», чтобы разделить два времени действия — современность и годы после Второй мировой войны. Я писала историю о вампирах, не упоминая этого слова; историю о призраках без призраков; роман ужасов, в котором обыденное оказывается страшнее мифологического. Но это был не просто роман ужасов. В нем говорилось еще и о соблазне, об утраченной дружбе, об искусстве, безумии, любви и предательстве. Я выбрала вычурную структуру — слишком вычурную для романа ужасов. Но я вообще не задумывалась о жанре, когда писала. Я пыталась воспроизвести атмосферу готи-

ческого романа XIX века в наши дни, в современном стиле. Издатели хотели новую Энн Райс. Я должна была понимать, что с моей книгой будут проблемы.

Она вышла несколько лет спустя, в жуткой черной обложке. Название («Помни») пришлось сменить — редактор счел, что оно больше подходит для любовного романа. Новое заглавие до сих пор вызывает у меня сомнения. И все же ничто не сравнится с видом твоей первой опубликованной книги. Я бродила по книжным магазинам, пытаясь навести на нее покупателей, и время от времени перетаскивала экземпляры из раздела ужасов в раздел художественной прозы.

Конечно, это не настоящая литература. Всего лишь фантастическое сочинение юного автора, которому еще предстоит найти свой стиль. В лучшем случае героическая неудачная попытка. В худшем — нечто претенциозное и многословное. Я долго сопротивлялась требованиям читателей переиздать «Небесную подругу» — возможно, из-за суеверия, опасаясь чего-то вроде моего личного «проклятия мумии». Но, заглянув в эту гробницу, я обнаружила, что роман странным образом оправдывает собственное существование. Даже если это лишь героическая неудача, моя первая книга дорога мне, невзирая на пролетевшие годы и смену стиля. Она по-прежнему вызывает отклик — то, что я считала мертвым и глубоко погребенным, вполне готово вернуться к жизни. Я не знаю, как читатели воспримут ее. Студенты, изучающие литературу, могут оценить развитие автора за двадцать лет проб и

ошибок. Другие просто прочтут и, надеюсь, получат удовольствие.

Мой внутренний редактор заставил меня внести в текст несколько изменений. Честное слово, их немного, сюжет остался в неприкосновенности, но я не удержалась и смахнула паутину в коридорах. Так что читайте надпись над дверью, прежде чем решитесь последовать за мной. Надпись на латыни (а может, иероглифами) гласит примерно следующее: «Осторожно! Здесь могут встретиться вампиры!»

Теперь входите. И не говорите, что я не предупредила.

Часть первая

НИЩЕТА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прозерпина задумчиво и печально смотрит на что-то, находящееся за пределами картины. Ее лицо и руки на полотне темном и узком, как гроб, паразитически бледны, глаза бездонны, словно преисподняя, губы окрашены кровью. Она прижимает к груди гранат, позабыв о нем, и золотистое совершенство плода испорчено кровавым надрезом, разделившим его пополам, — свидетельство того, что Прозерпина уже отведала гранат и утратила свою душу. Обреченная проводить половину каждого года в Подземном царстве, она тоскует, глядя на далекое солнце, отблески которого играют на увитой плющом стене.

Нас убеждают в это поверить.

Но у нее, царицы Подземного царства, множество обликов, в этом ее власть и ее очарование. Она стоит, бледнее фимиама, и свет квадратом обрамляет ее лицо, не касаясь кожи. Прозерпина сияет собственным блеском, ее поза выражает вековую усталость, но исполнена силы, берущей начало в ее неуязвимости. С ней невозможно встретиться взглядом, она упорно глядит куда-то за ваше левое плечо,

на кого-то другого — возможно, на еще одного избранного, обреченного на ужасное блаженство ее любви. Плод в руке Прозерпины ал, как ее губы, как сердцевина граната. И кто знает, какие страсти, какие восторги таятся в этой алой плоти? Какие неземные наслаждения сокрыты до поры в этих зернах?¹

*Дэниел Холмс.
Небесная подруга*

ПРОЛОГ

Вот розмарин, это для воспоминания; прошу вас, милый, помните.

*У. Шекспир. Гамлет
(Перевод М. Лозинского)*

В детстве у меня было много игрушек. У родителей хватало денег, чтобы покупать их, но я вспоминаю до сих пор лишь одну игрушку — поезд. Не заводной и даже не тот, что надо тянуть за собой на веревочке, а настоящий: он летел вперед сам, оставляя за собой шлейф белого пара, все быстрее и быстрее стремился к недостижимому пункту назначения. Это была юла с красным дном и прозрачным целлулоидным верхом, под которым крутился и сверкал, как драгоценность, целый мир: крохотные изгороди и дома,

¹ Описывается картина Данте Габриэля Россетти «Прозерпина» (1877). «Небесная подруга» (в русском переводе М. Фромана) — стихотворение Россетти, написанное в 1850 г., и его картина на тот же сюжет. (*Здесь и далее примечания переводчика.*)

нарисованный край ясного, ослепительно-синего неба. Когда я жал на рукоятку («Будь осторожен, Дэнни, не раскручивай юлу слишком сильно!»), из тоннеля, дымя трубой, выезжал состав, похожий на уменьшенного с помощью колдовства и посаженно-го под стекло дракона. Сначала он двигался медленно, но постепенно набирал скорость, пока дома и деревья не сливались в одну сплошную линию, а скрип юлы не тонул в триумфальном свистке паровозика, как будто тот пел от счастья, приближаясь к цели.

Мама, конечно, говорила, что, если слишком быстро вращать юлу, она сломается (и я всегда был осторожен, на всякий случай). Но я верил: однажды, стоит мне потерять бдительность, отвлечься хотя бы на миг, поезд сможет добраться до своего таинственного, недостижимого пункта назначения и — как белка, вдруг выпрыгивающая из колеса, — вылететь в реальный мир. Тогда сверкающий огнями и разбрасывающий искры монстр ворвется в мою тихую детскую, чтобы отомстить за столь долгое заточение. Возможно, игрушка так нравилась мне еще и потому, что я знал: поезд — мой пленник и ему не сбежать, ведь я всегда начеку и могу наблюдать за ним, когда захочу. Небо, изгородь, безумная гонка принадлежали мне целиком, я приводил этот мирок в движение и останавливал по собственному желанию — потому что был осторожен, потому что был умен.

А может быть, и нет. Не припомню, чтобы в детстве я отличался капризностью. И уж точно не имел болезненных склонностей. Это Розмари сделала меня таким — она сделала такими всех нас. Она снова превратила нас в детей, она высилась над нами,

как злая ведьма из пряничного домика, а мы бегали по кругу, словно поезда под целлулоидной крышкой, пока она смотрела, улыбалась и нажимала на рукоятку, раскручивая свою юлу.

Мысли мои путаются; плохой признак, как морщины вокруг глаз и проплешина на макушке. Это тоже вина Розмари. Когда священник произнес: «Прах к праху», я оглянулся и вдруг увидел ее — она стояла под рябиной, глаза смеялись. Если бы посмотрела на меня, я бы, наверное, закричал. Но она смотрела на Роберта.

Роберт был бледен, в тени шляпы его лицо казалось осунувшимся и испуганным, но не потому, что он тоже видел Розмари. Ее заметил только я, и через секунду она исчезла; одно движение, перемена света, и я не различил бы ничего. Но я заметил. Вот поэтому и пишу вам — вам, в будущее за гранью могилы. Я хочу рассказать о себе, о Роберте и Розмари... да, о Розмари. Потому что она все еще помнит, понимаете? Розмари помнит.

ОДИН

Стоял прекрасный день, свежий и по-осеннему ясный. Землю устлали яркие листья, а небо было таким же круглым и голубым, как то, под которым много лет назад ездил мой паровозик. Людей пришло немного — я, Роберт, еще кто-то; все в черном, лица — расплывшиеся пятна в солнечном свете. В моей памяти остался лишь Роберт, бледный и нелепый от горя. Мне было больно на него смотреть.